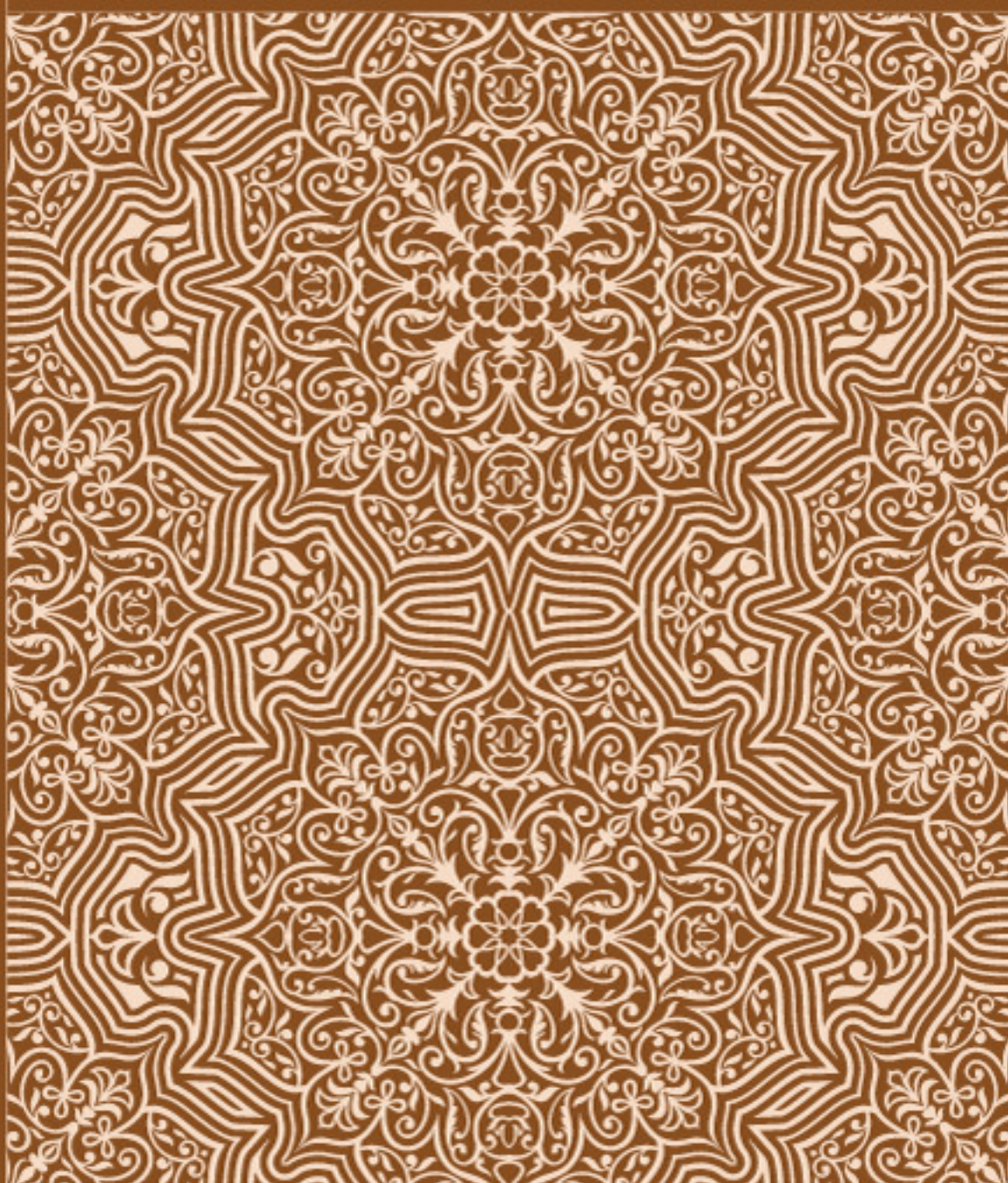

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Мехди САНАИ

Мехди Санаи

**Взаимоотношения Ирана
и Центральной Азии.
Тенденции и перспективы**

«Садра»

2017

УДК 327(55+574+575)
ББК Ф3(5Ирн)+Ф4(257)

Санаи М.

Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. Тенденции и перспективы / М. Санаи — «Садра», 2017

ISBN 978-5-85803-508-4

Между Ираном и Центральной Азией издавна существовали как культурные, языковые, этнические и религиозные отношения, так и тесные экономические и политические связи. И пусть за последние два десятилетия уровень экономического и политического сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии снизился, чему немало поспособствовали внешние и трансрегиональные факторы, исторические судьбы этих стран были и остаются связаны взаимными интересами. Настоящая книга, ставшая результатом многолетних научных изысканий автора, была опубликована в 2011 году в Тегеране. Эта книга была призвана рассмотреть важные составляющие диалога Ирана и стран постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), а равно сформулировать соответствующие принципы в области внешней политики для повышения эффективности региональной дипломатии. Автор книги – иранский ученый и дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации – подробно рассматривает политические, культурные, экономические связи Ирана с каждой из стран региона и с учетом положения России на постсоветском пространстве. Большой дипломатический и научный опыт делают его книгу в высшей степени нужной и востребованной в долгосрочном политическом планировании.

УДК 327(55+574+575)
ББК Ф3(5Ирн)+Ф4(257)

ISBN 978-5-85803-508-4

© Санаи М., 2017

© Садра, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	9
А) Политическое, экономическое и культурное положение республик Центральной Азии	9
1. Политическое положение Центральной Азии	17
2. Экономическое положение Центральной Азии	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мехди Санаи
Взаимоотношения Ирана и Центральной
Азии: тенденции и перспективы

© М. Санаи, издание на русском языке, 2017

© М. Махшулов, перевод на русский язык, 2017

© Садра, 2017

© Петербургское Востоковедение, 2017

В оформлении обложки использована иллюстрация Megin из коллекции Shutterstock.

Предисловие

Постсоветская Центральная Азия – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – занимает обширную территорию, на которой проживает более 60 миллионов человек. Хотя этот регион не имел и не имеет прямого выхода к Мировому океану, его географическое расположение таково, что в течение многих столетий он играл ключевую роль в мировой торговле, являясь исторически важной частью Великого шелкового пути. Этот регион соединял Европу и Восточную Азию, связывал между собой азиатские Север и Юг. Важность его расположения всегда привлекала внимание международных игроков, а с течением времени внимание всё более пристальное, поскольку здесь были обнаружены значительные запасы энергоресурсов.

Между Ираном и Центральной Азией издавна существовали как культурные, языковые, этнические и религиозные связи, так и тесные экономические и политические отношения. И пусть за последние два десятилетия уровень экономического и политического сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии снизился, чему немало поспособствовали как региональные, так и трансрегиональные факторы, всё же исторические судьбы этих стран были и остаются связаны взаимными интересами.

В регионе присутствуют такие великие державы, как Россия, США и Китай. Здесь действуют региональные силы – Турция и Израиль. Интересы других игроков нередко ставят препоны на пути формирования крепких политических и экономических связей между Ираном и странами Центральной Азии. Поэтому Иран стремится к укреплению регионального сотрудничества, проводя прагматичную и реалистичную политику.

Та часть Центральной Азии, которую в российской традиции было принято называть Средней Азией (в советское время для обозначения региона использовали наименование «Средняя Азия и Казахстан»), последние два столетия находилась в сфере влияния России / СССР. Распад Советского Союза и возникновение пяти новых государств повлекли за собой изменения в понимании Ираном данной территории. Здесь можно выделить два важных момента:

1) историческое соседство и культурная общность Ирана с нациями и народами региона являются важным фактором для многостороннего сотрудничества; 2) в силу разных причин Иран не играет той роли в деле налаживания эффективных связей со странами региона, какую мог и должен был бы играть. Эти связи постоянно испытываются временем и теми процессами, которые происходят как внутри новообразованных государств, так и на международной арене.

В начале 90-х гг. прошлого века Иран рассматривал постсоветскую Центральную Азию преимущественно с точки зрения идеологической; теперь же эта позиция сменилась на прагматическую. Иран принял соответствующие меры для развития сотрудничества с центральноазиатскими странами в сфере экономики и культуры. Это развитие направлено на обеспечение иранского присутствия и влияния в регионе – с учетом геополитических интересов ИРИ. Нельзя сказать, что данное направление стало приоритетным: регион постсоветской Центральной Азии всё еще ждет достойного ему места во внешней политике Ирана, а отношения нашей страны со странами региона, несмотря на наличие благоприятной почвы для разработки эффективной стратегии, пока не достигли подходящего им уровня.

В связи со сказанным нужно подчеркнуть особенно, что изучение внешней политики Ирана в регионе является одним из приоритетных вопросов. Настоящее исследование призвано рассмотреть важные составляющие диалога Ирана и центральноазиатских стран. Другой важной частью исследования является формулирование соответствующих принципов в области внешней политики для повышения эффективности региональной дипломатии.

Данная работа была проделана при поддержке Института политических и международных исследований МИД Ирана; впервые она была опубликована в 2011 г. в Тегеране. Статистические данные и выкладки, использованные в работе, относятся к прошлым годам и в 2017 г. требуют обновления. Однако темы и вопросы, поднятые шесть лет назад, по-прежнему являются актуальными, равно как и предложенные ответы, которые могут стать основой для последующего обсуждения.

Считаю необходимым поблагодарить господина Шуайба Бахмана, который оказал мне при написании книги значительную помощь.

Надеюсь, что публикация моей работы на русском языке даст дополнительный импульс изучению будущего отношений Ирана и постсоветской Центральной Азии, а сама работа будет полезна всем интересующимся этой проблематикой.

Мехди Санаи
Москва, 2017

Глава первая

Центральноазиатские республики: существующие условия и современное положение

А) Политическое, экономическое и культурное положение республик Центральной Азии

Когда в 1991 г. Советский Союз распался, новые государства, образовавшиеся на его территории, сделали ставку при определении собственной идентичности на устремления коренных наций. Процесс обретения идентичности, начавшийся несколько десятилетий тому назад в рамках бихевиористской теории и получивший распространение в конце XX в., свойственен не только странам третьего мира; мы замечаем его влияние также и в Европе. Однако разница между проявлениями данного процесса на Западе и в третьем мире зависит от способности правительств привлекать и использовать малые идентичности в общей идее национальной идентичности [21: 246–247].

За последние пятнадцать лет в различных политических текстах довольно часто использовалось слово «преобразование», в том числе и применительно к постсоветской Центральной Азии. Сам по себе процесс распада Советского Союза и возникновения на его территории 15 независимых стран есть не что иное, как коренное преобразование национального, регионального и международного масштабов. Преобразования в Центральной Азии включают в себя такие факторы, как: борьба против политической власти, столкновение на почве передела собственности и доступа к ресурсам, вопрос несоответствия светского и религиозного мировоззрений, «исламский» вопрос. Нельзя также не упомянуть региональные конфликты, положение национальных меньшинств, демаркацию государственной границы, экологические катастрофы, нельзя забывать и о вмешательстве региональных игроков.

Центральная Азия считается важнейшим регионом, потому что здесь возможны внезапные или насильственные перемены. Это бурлящий котел из множества конфессий, народов и экстремистских политических партий, между которыми происходят регулярные столкновения [211]; см. таблицу № 1: численность населения и основные этнические группы стран Центральной Азии.

Таблица № 1

Страна	Численность населения (миллион чел.)		Показатель годового роста численности населения	Основные этнические группы
	2005	2015		
Казахстан	14,83	14,88	—	Казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры
Кыргызстан	5,3	5,9	1,1	Киргизы, узбеки, русские
Таджикистан	6,5	7,6	1,5	Таджики, узбеки, русские
Туркменистан	4,73	5,5	1,3	Туркмены, узбеки, русские
Узбекистан	26,6	31,5	1,4	Узбеки, таджики, русские, казахи, каракалпаки

Некоторые исследователи, такие как Джереми Блэк [173], убеждены, что данная территория – один из тех регионов, которые в высшей степени подвержены военным и политическим кризисам и могут быть в будущем взрывоопасны.

Другие исследователи (Марта Олкотт из Центра Карнеги и Борис Румер) рассуждают куда более пессимистично. Они предупреждают, что на пороге серьезных изменений находится более чем одно государство Центральной Азии [177]. Джон Негропonte, бывший директор Национальной разведки Соединенных

Штатов Америки, в своем выступлении в американском Сенате в феврале 2006 г. высказался в том ключе, что, возможно, несколько стран Центральной Азии в будущем станут объектами столь внезапных преобразований, что после этого ситуация в них будет сравнима с положением несостоявшихся государств Африки. В своем выступлении он также отметил, что кризисные ситуации в Центральной Азии могут быть быстрыми темпами и с удручающими последствиями распространены на другие регионы [220]. Автор этих строк, хотя и несогласен с упомянутой позицией, всё же признает, что подобные взгляды имеют право на существование в связи с неустойчивой ситуацией в Центральной Азии и присутствием в регионе сильных внешних игроков.

Общая оценка ситуации в странах Центральной Азии указывает на наличие следующих условий:

1) политика в этих странах в основном формулируется определенными личностями, кланами и этническими группами; в меньшей степени она определяется внятно сформулированной идеологической концепцией и / или политической философией;

2) все эти страны пока еще находятся в поисках собственной идентичности как необходимого государствообразующего фундамента;

3) политические, социальные и медийные свободы на пространстве постсоветской Центральной Азии ограничены, а способ управления странами основан на авторитаризме. Большинство руководителей региона являются бывшими коммунистами, которые взяли управление новыми государствами на себя и используют демократические принципы и выборы для укрепления личной власти и обеспечения групповых интересов;

4) религия в этих странах не используется как основное условие формирования национальной идентичности, руководители не склонны к религиозному мышлению; прогрессу мешает политическая нестабильность и отсутствие необходимого опыта, поскольку процесс формирования *государства-нации* в Центрально-азиатском регионе находится в зачаточном состоянии;

5) серьезная внутренняя слабость центральноазиатских стран, вакуум связей, образовавшийся после распада Советского Союза, и стремление США к ослаблению русского влияния в регионе привели к тому, что повестка дня в этих государствах превратилась в арену противостояния России и США – с одной стороны, Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля – с другой, что вместе взятое делает страны региона уязвимыми [43: 104–105].

Процесс изменений и преобразований протекает в странах постсоветской Центральной Азии по-разному, отличаясь неравномерностью и достаточно широкой амплитудой. И хотя процессы, происходящие в регионе, неравномерны и несогласованны, однако можно выделить общие для них черты:

1) экономическое движение от советской социалистической системы к западному капитализму;

2) создание государства и правительства нового образца;

3) процесс национальной консолидации.

В этих трех пунктах – вся сущность перемен в регионе: постсоветские центральноазиатские страны столкнулись с многочисленными проблемами и тем самым / вместе с тем поставили великие державы перед новыми реалиями. Так, в Таджикистане замена советской власти

и начальный этап создания новой властной модели прошли в обстановке общественного хаоса. Между политическими элитами происходили стычки, которые привели к гражданской войне. Это был внутренний кризис, но он стал маркером для принятия решений по преобразованию всего региона.

Критерии нового мира должны использоваться не только внутренними, но и внешними силами, которые определяют стратегию изменений в регионе. К примеру, для Центральной Азии критерий «условие мира» является основным, но далеко не единственным, и, прежде чем начать его рассматривать, нужно изучить и оценить ряд политических и философских постулатов, на которых основана стратегия Западной Европы в продвижении демократии. Необходимо также рассмотреть совокупность экономических и политических стратегий, обслуживающих эти теории и призванных сформировать в новых странах капиталистическую экономику с соответствующей ей политической системой.

Запад планировал свою стратегию преобразований в условиях разрушения мировой социалистической системы и отстранения ее руководителей с международной арены. Речь шла об уничтожении экономической и политической систем социализма и недопущении их возрождения в какой бы то ни было форме. При этом следовало принять ряд мер в целях предотвращения социального коллапса и одновременно с тем обеспечить быстрое развитие капиталистических отношений, а также создание новой политической системы на основе «западной демократии». Осуществление подобной затеи не представлялось возможным без вмешательства во внутренние дела новоиспеченных правителей. Между тем подобное вмешательство противоречило основополагающим принципам Хельсинского заключительного акта (1975) и взглядам Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Политика Запада при этом была основана преимущественно на западном опыте, когда считалось доказанным, что форма государственного правления, которое основывается на демократических нормах, способствует устранению конфликтов в обществе – путем обеспечения верховенства закона, разграничения полномочий между ветвями власти и защиты прав человека [223: 7]. Подобное убеждение нашло отражение в доктрине Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в которой соблюдение прав человека и демократия были объявлены главной целью, способствующей всеохватывающей безопасности.

В документах ОБСЕ «человеческое измерение» было признано ключевым направлением в поиске надежных решений по предотвращению конфликтов [223: 4]. «Человеческое измерение» превратилось в согласованный принцип ОБСЕ, что до определенной степени ограничило суверенитет государств-участников, и стало «ядром всей деятельности» Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по самым разным вопросам [234а: 4].

Подход к вопросу о выполнении этого принципа практически привел к противопоставлению двух теорий. Элитные круги Центральной Азии убеждены, что «путем обеспечения стабильности можно прийти к демократии», тогда как западные члены ОБСЕ придерживаются мнения о том, что стабильность достигается путем утверждения демократии. Хотя эти два принципа требуют наличия различных политических программ, тем не менее они оба характеризуют демократию и стабильность как единый диалектический процесс, который описывается через взаимосвязи и взаимовлияние.

В то время как правящие в Центральной Азии элиты готовы пожертвовать демократией ради сохранения своей власти, западные политики допускают возможность пожертвовать стабильностью, допуская «шоковую терапию», поскольку такие методы находятся в согласии с западными стратегическими целями.

До середины 90-х годов XX века западная демократия вела различные теоретические споры о будущем пути развития. Позднее был взят курс на глобализацию, что вызвало новые дискуссии. Одним из ключевых стал вопрос о создании новых национальных государств в усло-

виях глобализации. Это разнонаправленные процессы – нацио- и государствообразующие, и именно они проходили одновременно на территории постсоветской Центральной Азии.

Несмотря на неопределенность влияния глобализма на международную политику, внешняя политика западного сообщества в значительной степени основывается на теории постнационализма. Данная теория исходит из того, что «роль национального государства под воздействием понятия прав человека и в силу глобализации экономики и общества стала весьма относительной»; при открытости национального пространства для внешнего вмешательства внутренние прерогативы государства ограничиваются системой стратегических приоритетов [229a].

Рассуждая о «(вооруженном) вмешательстве в период независимости», известный немецкий социолог Эрнст-Отто Чемпиля пишет о демократизации как орудии обеспечения безопасности: «Свобода общества от политической системы, определение общества в качестве правителя и признание роли государственных аппаратов в качестве поставленных на службу народа побочных систем составляют ядро процесса демократизации» [227a: 20].

С точки зрения Чемпиля, демократизация общества должна быть основной темой внешней политики: «Если система правления в евро-атлантическом сообществе является демократической и развитой, то это означает, что необходимые условия и идейные основы для реализации евро-атлантических принципов созданы. Если в последующем проблемы безопасности будут всесторонне решены, то это произойдет в результате обеспечения стабильности и отказа от применения силы. Отсутствие силового вмешательства для демократизации всей государственной системы должно быть ядром внешней политики в обществе» [227a: 22]. То, до какой степени подобные высказывания были способны лечить постсоветские недуги и как подобные стратегии демократизации могли помочь в решении проблем Центральной Азии, покрыто тайной. Следует иметь в виду, что через Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) страны Центральной Азии и их общества попали в атмосферу евро-атлантической системы, требования которой для Запада являются непреложными. Именно из этой среды исходят экспертные оценки, рекомендации (тактические соображения) и способы воздействия на процессы изменений и преобразований в центральноазиатских странах.

Важное место в теоретических диспутах занимает теория «синхронности изменений». Согласно данной теории, в постсоветской Центральной Азии синхронно проходили три исторические процесса: а) формирование национального государства, б) формирование капиталистических отношений, в) формирование демократических прав и свобод [189: 65].

Немецкий социолог Клаус Оффе отмечает: «Только условия, при которых свободная экономика и демократия навязаны обществу извне, могут синхронно и удачно сочетаться и гарантироваться посредством длительной международной зависимости». Примером могут служить Германия и Япония после Второй мировой войны» [189: 66].

Внедрение свободной экономики и демократии в постсоветские общества было «политическим» проектом, который поддерживался евро-атлантической системой и был непонятен большинству людей на территории бывшего СССР. К. Оффе писал: «Учитывая то, что прежняя система стала непригодной, нужны синхронные обновления: ничто не может сохраниться в своем прежнем состоянии» [189: 71].

Рассматривая преобразования в Центральной Азии (и не только в ней), мы видим, что теория синхронных изменений во всех политических, экономических и социальных сферах вполне удовлетворяет Запад и воспринимается им как надежный инструмент воздействия. Одновременно проводятся приватизация государственной или общественной собственности и установление способов свободной и демократической экономики как предпосылки демократической власти, формируются новые государственные институты, возникают новые элиты. В теории меры, которые соответствуют модели «открытого общества», подразумевают высшую

степень индивидуализма и преданности власти. Однако остается вопрос: до какой степени эти теории соответствуют реалиям Центральной Азии?

Здесь важно иметь в виду следующие аспекты.

1. Социальный аспект. В рассматриваемом регионе преобладающей является традиционная, патриархальная форма общественного сознания. Объектом общественного сознания в большей степени выступает сельская община и «авлод» (последнее слово в местных языках означает группу кровных родственников, состоящую из большого семейства / семейств / рода); в меньшей степени – отдельный гражданин и гражданское право. Это общество разделено по групповым интересам и не подпадает под западное представление о нации, которая «является идеальным представлением о ценностях государственного регулирования». Таким образом, в Центральной Азии одновременно с формированием национального государства существует и является влиятельным традиционный общественный уклад. Оба процесса находятся под влиянием ислама, который вопреки советской интернационалистской политике не только сохранил свое значение, но оказывает существенное воздействие на формирование национального сознания и идентичности [194: 177]. Параллельное воздействие ислама и современных политических технологий вызывает социальные противоречия, которые в развивающихся исламских странах могут стать причиной появления фундаменталистских и реакционных течений.

2. Политический аспект. В рассматриваемом регионе элиты очень могущественны. Местные элиты в процессе преобразований оказались столкнулись с соперничеством интересов и оказались друг против друга. С одной стороны, экономические преобразования изменяют страны Центральной Азии, делая их общества многополярными. С другой стороны, правящие режимы оказались не в состоянии создать структурные рамки, способные ограничить последствия перемен.

Запад продвигает испытанные стратегии управления общественными процессами, но по объективным и субъективным причинам возможности центральноазиатских элит к овладению этими стратегиями ограничены. Подобное положение объясняется зависимостью элит от патриархальных структур, которые представляют своеобразную социальную «пирамиду». На вершине стоит сильная личность, которая выстраивает иерархию властных отношений, основанную на традиционной и личной преданности; эта личность защищает систему, придает ей легитимность, но в то же время препятствует возникновению самостоятельных политических и гражданских институтов.

Экономические преобразования, связанные с переделом собственности и получением доступа к природным ресурсам, вызывают глубокое социальное расслоение общества. Новые элиты вынуждены больше задумываться о внутренней стабильности и безопасности, нежели о демократии и правах человека, поэтому возможность создания самостоятельных гражданских и политических институтов всё больше сужается. Когда заходит речь о стабильности и безопасности, в большинстве случаев у разных сторон встречается разное понимание этих понятий.

3. Религиозный аспект. После обретения странами постсоветской Центральной Азии независимости и в связи с изменением их политической структуры положение ислама в регионе существенно изменилось. Ислам стал государствообразующим фактором – и как один из основных типов социальной осведомленности для большинства местного населения, и как система социальных норм. Как следствие, при анализе действительного положения дел, а также при формировании государственных структур необходимо учитывать религиозный фактор, поскольку в молодых государствах преобладающая религия превращается в «часть государства». Огосударствление ислама или, иными словами, становление ислама частью государства указывает на то, что ислам находится в тесной связи с общими процессами институционализации новых государственных организаций. Отсюда следует, что любая внешняя сила, которая намерена контролировать производимые преобразования, должна так или иначе соотносить

свои действия с религиозной доктриной, под влиянием которой находится большинство представителей политической элиты региона.

Отсюда делается более понятным стремление к дистанцированию от западной политики и от рекомендуемой Западом социальной модели. Западное понимание демократии исходит из «открытого общества» и верховенства закона. Это понимание возникло в результате собственного, накопленного за века исторического опыта, отсутствующего у азиатских обществ и исламских государств. Столь большая разница в опыте вызывает значительную часть проблем в отношениях евро-атлантического мира и стран Центрально-Азиатского региона.

Если при проведении преобразований в регионе ориентироваться на эту логику, то «модель открытого общества» не должна служить образцом. Следует предположить необходимость использования «закрытой» модели, ведь закрытое общество до сих пор опирается на родоплеменные отношения, кланы, традиционные патриархальные институты. Всё это напрямую связано с вопросом о том, какой должна быть объективная демократия и каким целям должна служить политическая система? [194: 188] Каким должно быть демократическое и правовое государство в Центральной Азии?

Ответы на эти вопросы не найдены ни западными учеными и политиками, ни представителями правящих в Центральной Азии элит. Эти элиты живут в убеждении о несоответствии восточного общества западной демократии.

Вышесказанное подтверждает чрезвычайную важность выбора стратегических критериев при проведении преобразований в политической жизни Центральной Азии. В Центрально-Азиатском регионе пока еще нет зрелых идейных и социально-политических основ, которые соответствовали бы критериям западной политической системы (демократии как основы политической системы и правового государства, а также средства контроля и обуздания власти). Вместе с тем следует отметить, что отрицание авторитарными правящими режимами демократических преобразований в корне противоречит современным потребностям и перспективам развития центральноазиатских стран. Время делает всё больше вызовов, которые чреваты тяжелой экономической и политической депрессией, поэтому важно использовать западный опыт для решения социально-экономических вопросов и предотвращения угрозы возникновения новых общественных конфликтов.

Для Центральной Азии развитие местной демократии, то есть конкретной ее формы, которая соответствовала бы местной социальной структуре и культурному восприятию жителей региона, считается ключевым вопросом изменения и развития политической системы. В связи с этим стратегия изменений должна учитывать такие факторы, как: 1) сохранение мирных условий для желаемого функционирования общества; 2) детерминированную связь между общественными преобразованиями и эскалацией конфликтов в рассматриваемых обществах; 3) влияние стратегии изменений на процесс укрепления национальных государств [187: 16].

Рекомендации и рецепты, предлагаемые Западом другим странам мира, часто вызывают в них негативную реакцию. Так, и в Латинской Америке, и в Азии, и в Африке подобные рекомендации сопровождались усилением левых движений, национальным и религиозным радикализмом. Экономический фундаментализм в качестве ответной реакции порождает фундаментализм и в других областях общественной жизни, в том числе фундаментализм исламский. Предметом критики знатоков ислама в первую очередь становится радикальный материализм, который с их точки зрения является восхвалением идола под названием «капитал» и способствует распространению нравственной разнузданности и сатанинского антикультуры. За последние годы убежденность в этом многих мусульман выросла многократно, не в последнюю очередь из-за оскорбительных нападок на ислам в западных изданиях и фильмах. И теперь неолиберализм характеризуется в таких кругах как продолжение атеистического материализма.

В Европе и в США раздаются критические высказывания со стороны представителей интеллигенции, которые обвиняют современный капитализм в неблагоприятных изменениях в

области культуры и духовности – безо всякой перспективы по улучшению ситуации. В связи с этим отметим позицию американского культуролога Жака Мартина Барзена; она, хотя и спорна, однако вызывает интерес. Он считает картину Марселя Дюшана, на которой Джоконда изображена с усами, символом бескультурья: «С этого момента в западной культуре наступил период вседозволенности, и общественная культура фривольно и беспечно направилась в сторону стагнации и деградации» [171].

Большинство критических замечаний американских исследователей напрямую высказаны в адрес США. С точки зрения критиков, в XX веке США превратились в страну с однородной популистской культурой, в которой развлечения одержали победу над духовностью и даже самой жизнью. Америка, проводящая политику защиты прав потребителей, пропагандирующая эгалитаризм и умножающая новые технологии, уничтожает культурные различия без создания новой культуры. Еще один американский ученый Кристофер Клаузен предостерегает: мировая культура, движимая подобными началами, погубит культуру традиционную, а также станет причиной внекультурного смешения бизнеса, новых технологий и всеобъемлющего индивидуализма [181a]. Естественно, подобная тенденция, наблюдаемая в центре неолибералистской системы, вызывает ответную реакцию на Востоке – и особенно в исламском мире, который сохраняет традиционные устои, в которых сконцентрированы вера и нравственность, считающиеся практическими предписаниями. Между тем для создателей и деятелей глобалистской цивилизации культурные особенности и национальные традиции несут незначительный, второстепенный и мешают мировому прогрессу. Аналогичным образом эскалация напряженности в отношениях человека с природой также не считается принципиальным вопросом, хотя экологическая катастрофа уже началась. Практика мирового развития в течение последних десятилетий показывает, что в рамках неолиберальной геополитической модели глобализации путь для решения важнейших общечеловеческих проблем пока еще не найден; глобалистская политика скорее разрушительная, нежели созидательная, чреватая всё новыми и новыми социально-экономическими и природными проблемами.

В связи с этим возникает необходимость продумать создание иной модели развития и применения новых методов социальных преобразований. Само социальное развитие становится всё более сложным, когда нельзя однозначно говорить ни о прогрессе, ни о регрессе. Многие проблемы требуют системного подхода, в первую очередь – социально-экологические измерения, которые указывают на серьезные угрозы обществу и на основную проблематику по выходу из системного кризиса, охватившего все области жизнедеятельности человечества.

По этой причине следует уделять внимание принципам и оценкам прогресса, далеким от политизированных проектов. Они связаны с теорией устойчивого развития. В этой теории понятие прогресса не трактуется через экономическое развитие, совершенствование техники и технологий. Ядром устойчивого развития является приоритет экологии, а целью – формирование новых отношений человечества с окружающей средой и с обществом. Эти отношения должны быть регулируемы и устойчивы. Расточительная политика человека применительно к природе должна быть заменена эволюционным процессом развития, который возрождает традиционные ценности и возможность баланса между духовными и материальными возможностями, а также обеспечивает технологическое развитие социальных и экономических структур.

Ключевые и универсальные принципы теории таковы:

- устранение конфликтов, которые формируются в процессе социально-экономического развития, возможно только при наличии стабильности и неразрушения естественных основ жизни;
- улучшение качества жизни людей должно осуществляться в диапазоне, расширение которого не приведет к разрушению среды обитания и к глобальным изменениям экологии;

– переход к устойчивому развитию, постепенное возрождение естественной экосистемы до такого уровня, который мог бы обеспечить устойчивость среды.

Теория устойчивого развития многогранна, она охватывает все жизненные вопросы. В ней чистые технологии обеспечивают защиту ресурсов, под ее влиянием новые формы международного экономического и социального сотрудничества будут противостоять нынешним разрушительным процессам [187: 26–27].

Новая система подразумевает отказ от приоритета экономического по отношению к социальному и экологическому, предполагает внесение изменений в способы производства и потребления. С этой целью должна быть усилена регулирующая роль государства, которое ужесточит контроль над производством и потреблением и даже ограничит их ради защиты окружающей среды и предотвращения конфликтов. Существующие либерально-демократические модели, основанные на предпочтении интересов индивидуума интересам общества, будут заменены моделями, которые сбалансируют личные и общественные интересы. В случае необходимости демократические нормы и индивидуальные свободы в их нынешнем западном толковании следует пересмотреть в пользу прав и обязанностей коллективных. Еще одной перспективной стратегией будет обмен сырьем, поставляемого развивающимися государствами, на доступ к новым технологиям, чтобы изменить условия, при которых страны мира разделены на две неравные группы.

Теория устойчивого развития предлагает новое понимание прогресса, при котором изъяны современного процесса экономического развития сглажены. По-прежнему применяются традиционные и основные экономические индексы, а также иные оценки показателей человеческого развития, которые входят в обширное поле компонентов человеческой жизни. Одновременно применяются экологические, экономические, социальные и культурные оценки. Учет культурных и религиозных традиций и их ответная реакция на различные модернистские явления также предусмотрены в рамках устойчивого развития. Учитываются численность населения, производственные мощности, уровень ресурсов, энергетические запасы, валовой внутренний продукт, компоненты экономической структуры, средняя продолжительность жизни. Учитываются доходы различных социальных групп, состояние здоровья населения, уровень образования и профессиональной подготовки, площадь разрушенных регионов, вопросы утилизации и накопления отходов, вопросы защиты и возрождения традиций, ситуация с религией, наличие комфортной среды обитания. Все эти моменты весьма эффективны при рассмотрении общих условий жизни в республиках Центральной Азии [187: 28].

Безотносительно к различным способам проведения реформ, качества экономических связей и степени вмешательства государства в управление демократическими элементами, все без исключения республики Центральной Азии могут оказаться лицом к лицу с общими социальными и экологическими проблемами, без решения которых невозможно обеспечить долгосрочную стабильность в регионе.

Наиболее ярко данный тезис иллюстрирует Ферганская долина – общая для Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана территория, развитие промышленности и сельского хозяйства которой началось во времена СССР и продолжилось в условиях постсоветской капиталистической индустриализации. И здесь трудно не учитывать национальные особенности: на территориях Ферганской долины, принадлежащих Узбекистану, Таджикистану и Кыргызстану, капиталистическое хозяйствование тесным образом связано с воздействием на окружающую среду, а также с традиционными экономическими и культурными структурами. Здесь сформировался целый комплекс социально-экономических, экологических и психологических проблем, которые могут создать почву для конфликтов на различных уровнях и на долгое время.

1. Политическое положение Центральной Азии

Распад Советского Союза вызвал значительные политические перемены и предложил различные альтернативы будущих преобразований. Исчезновение СССР, с одной стороны, изменило географическое и геополитическое положение региона, а с другой – вызвало в Центральной Азии к жизни новые политические структуры.

Говоря о геополитическом и геостратегическом положении, следует понимать, что распад Советского Союза привел к тому, что Центрально-Азиатский регион снова стал рассматриваться как важная географическая единица. При этом была признана самостоятельным регионом не только Центральная Азия, но и каждая входящая в ее состав страна, получившая государственную независимость и возможность формировать историческую судьбу на основе собственной повестки дня.

Республика Таджикистан (площадью 143,1 тыс. кв. км) расположена на юго-востоке Центральной Азии. Данная страна на востоке граничит с Китаем, на севере и западе – с Кыргызстаном и Узбекистаном, а на юге – с Афганистаном. Такое географическое расположение дает Таджикистану важное преимущество.

Республика Туркменистан (площадью 491,2 тыс. кв. км) расположена на юго-западе региона и имеет выход к Каспийскому морю. На юге имеет общую границу с Ираном (протяженностью 966 км). С юга и юго-востока граничит с Афганистаном, с севера и северо-востока с Узбекистаном, а на северо-западе с Казахстаном. На западе Туркменистан на протяжении 1764 км омывается водами Каспийского моря.

Общая площадь Республики Кыргызстан – 198,5 тыс. км, из которых 191,3 тыс. кв. км составляет суша, а 7,2 тыс. кв. км – водная акватория. Республика расположена в центральной части Азии и на востоке Центрально-Азиатского региона. На востоке на протяжении 858 км граничит с Китаем, с севера – с Казахстаном (1015 км), с запада с Узбекистаном (1099 км) и на юге с Таджикистаном (870 км). Стратегическое значение республики связано с наличием общей границы с Китаем и расположением на Великом шелковом пути, что делает эту страну пограничной между китайским и исламским миром. Вместе с тем следует отметить, что более 80 процентов населения республики составляют мусульмане.

Площадь Республики Казахстан равна 2724 тыс. кв. км, что делает Казахстан крупнейшей страной Центральной Азии и второй по площади (после России) республикой бывшего Советского Союза. Казахстан граничит с КНР, с Кыргызстаном, с Туркменистаном, имеет протяженную границу с Узбекистаном (2300 км) и с Россией (6467 км). Общая протяженность границ составляет больше 12 тыс. км. К западу от Казахстана расположено Каспийское море, а на границе страны с Узбекистаном – Аральское море.

Республика Узбекистан (площадью 447,4 тыс. кв. км) с севера граничит с Казахстаном, с запада на протяжении 1621 км с Туркменистаном, с юга с Афганистаном (137 км), на юго-востоке с Таджикистаном (161 км), а с востока с Кыргызстаном (1099 км).

Распад Советского Союза наряду с геополитическими коллизиями создал в странах региона также и особую политическую атмосферу. В условиях, когда над странами, обретшими независимость, всё еще нависала тень советского экономического и политического курса, наследовавшего Сталину и Хрущеву, руководящий состав новых стран преимущественно состоял из числа коммунистических кадров советского периода. В результате страны Центральной Азии сохранили примерно те же властные тенденции и были признаны странами с авторитарным правлением.

Единоличная власть ограничивала преобразования на стезе демократии и свободы, но имела важные политические последствия в странах региона, особенно в двух направлениях: 1) создание «государств-наций»; 2) вопрос передачи власти и объявление политического преем-

ника, что является существенной проблемой центральноазиатских стран в течение последних нескольких лет.

Говоря о проблеме «политического преемника», следует отметить, что такая тема для республик Центральной Азии не является чем-то новым, однако руководители этих стран не спешат в размышлениях о передаче властных полномочий, но используют в сложившихся условиях различные способы, чтобы продлить сроки своего правления, что вполне осуществимо при отсутствии надлежащих политических систем и без четкого плана передачи власти.

Преемственность власти в Центральной Азии говорит о наличии множества проблем, так или иначе влияющих и на свободные выборы, и на права человека, и на свободу слова, несмотря на принимаемые государствами региона меры [62].

Действительно, невозможно ожидать, что в странах Центральной Азии, которые склонны к централизованной власти, будут проведены полностью свободные выборы, а для избрания новых руководителей будут учтены требования гражданского общества. Однако в ситуации отсутствия надлежащих условий для появления нового поколения политиков, когда для избрания руководителей используются недемократические методы, легитимность политических режимов подчас оказывается неустойчивой. При подобном подходе осуществление конкретно взятой демократической системы, основанной на свободных выборах и многопартийности, а также появление действительно независимых средств массовой информации вызовут в этих республиках разного рода проблемные ситуации.

Рассматривая вопрос о создании государства-нации, следует отметить, что страны Центральной Азии после обретения независимости избрали различные пути переустройства. Казахстан опробовал опыт приватизации, а Кыргызстан – опыт приватизации и политической реформы. Узбекистан и Туркменистан сохранили контроль государства над экономикой и авторитарную модель управления, в которой власть правителя едва ли не абсолютна. Таджикистан, еще не начав преобразований, был в 1992 году втянут в гражданскую войну, и лишь в 1997 году было достигнуто национальное примирение. Несмотря на некоторые различия, все пять стран Центральной Азии избрали сходный курс на централизацию власти в руках президента и воспринимают проведение ограниченных выборов как средство обеспечения легитимности власти.

Например, президент Казахстана Назарбаев пользуется среди народа широкой популярностью. В ходе президентских выборов 2005 года он заручился поддержкой примерно 90 % избирателей, однако это не помешало наблюдателям ОБСЕ заявить о несоответствии выборов международным нормам. Они, в частности, указывали на такие моменты, как ограничение рекламы для представителей оппозиции в ходе выборов.

Назарбаев неустанно твердит о том, что он является «сыном, внуком и правнуком простого народа» и всемерно заботится о социальной и экономической стабильности страны, однако при этом не считает демократическое преобразование политической власти обязательным для таких стран, как Казахстан. Не в последнюю очередь по этой причине в августе 2007 года в ходе последних парламентских выборов в Казахстане правящая партия под названием «Нурата» смогла склонить в свою сторону 88 % избирателей и в итоге получила 98 мест в парламенте. В любом случае парламентские выборы в Казахстане проходили в условиях, когда ни одна другая партия не смогла преодолеть необходимый семипроцентный барьер для вхождения в парламент.

В Казахстане, который считается самой богатой страной Центральной Азии, близкие к президенту люди пользуются большими привилегиями и могут быстро разбогатеть. Например, в области масс-медиа и в нефтяной отрасли активно присутствуют члены президентской семьи, а некоторые родственники президента входят в группу возможных его политических преемников на посту главы государства. Нурсултан Назарбаев, заявляющий о себе как о руководи-

теле, поддерживаемом 91 % избирателей, и как о защитнике особой казахской демократии, не видит никакого повода для народного недовольства его правлением.

В Туркменистане Сапармурат Ниязов был избран президентом пожизненно. Это был авторитарный правитель, взгляды которого применялись ко всем областям общественной жизни. После его смерти пост президента страны занял Гургангулы Бердымухамедов (более 89 % голосов), однако его избрание было заранее согласовано со старейшинами и авторитетными лицами.

В других странах, несмотря на конкурентность выборов, прежние президенты получили более 95 % голосов избирателей, а оппозиционным кандидатам была отдана лишь незначительная часть голосов. Действия кандидатов от оппозиции в ходе выборов свидетельствуют об отсутствии эффективных оппозиционных партий и движений, что показывает силу и возможности региональных лидеров в подавлении оппозиционной деятельности.

Следует отметить, что президенты центральноазиатских республик наделены практически неограниченными полномочиями, что отражает бывшее политическое могущество руководителей СССР. Однако региональные лидеры при мобилизации народных масс вряд ли могли сыграть такую роль, как советские руководители; одновременно они не смогли добиться успехов и в проведении демократических преобразований в регионе.

Поэтому в такой стране, как Кыргызстан, оппозиционные силы, поддерживаемые извне, сумели организовать в стране «цветную революцию». Эта революция служит наглядным примером местной политической нестабильности, которая несет угрозу безопасности для всей Центральной Азии в целом. А вмешательство трансрегиональных сил (в частности США) во внутреннюю политику стран региона становится всё более явным.

Подобные события и эксцессы в регионе наблюдались уже неоднократно, что делает политическое будущее центральноазиатских республик непредсказуемым. В этом отношении самым убедительным примером служит гражданская война в Таджикистане, которая разгорелась в стране в 1992 году. И, хотя эта война была порождена внутренними политическими разногласиями (между коммунистами и союзом оппозиционеров из числа исламистов и демократов) и внутренними же этническими проблемами (между худжандской, кулябской и курган-тюбинской группами общества), тем не менее ее нужно рассматривать в более широком аспекте. Это был, по мнению ряда исследователей, не только идеологический конфликт между коммунистами и исламистами, но противостояние влиятельных региональных сил, которые боролись друг с другом за власть в условиях политического и организационного вакуума.

До 1991 года Таджикистан был одной из 15 советских республик и находился в подчинении Москвы. После распада СССР получил свободу. После безуспешного советского путча 19 августа 1991 года президент Таджикистана Махкамов был отстранен от власти, а временно исполняющий обязанности президента Аслонов 9 сентября того же года объявил Таджикистан суверенной страной. По причине объявления Коммунистической партии¹ незаконной 23 сентября 1991 года парламентом страны Аслонов был отстранен от должности. Бывший же коммунист Рахмон Набиев в ходе президентских выборов в 1991 году набрал две трети голосов избирателей и одержал убедительную победу над своим основным соперником – таджикским кинематографистом Давлатом Худоназаровым, которого поддерживала оппозиция.

Вслед за этими выборами в Таджикистане разгорелась война. Ситуация в республике осложнилась еще тогда, когда в ноябре 1991 года в ходе президентских выборов оппозицион-

¹ Коммунистическая партия Таджикистана была создана в начале победы советского строя в Таджикистане. На протяжении всей советской эпохи она сосредоточивала в своих руках всю власть в Таджикистане. В сентябре 1991 года она была официально признана под тем же названием и начала действовать с новой программой. Партия была сторонницей разделения религии и политики, выступала за восстановление мирных отношений с соседями, особенно с Россией (в качестве союзницы) и с Ираном (в качестве страны с близкими культурными традициями).

ные группы в лице Партии исламского возрождения², движения «Растохез»³ и Демократической партии⁴ объединились в коалицию и выступили в поддержку Давлата Худоназарова и против Рахмона Набиева. Несмотря на это, Рахмон Набиев все же был избран президентом, что вызвало недовольство оппозиции. Последующая политика Набиева, направленная на защиту положения консерваторов в правительстве, еще больше сплотила оппозицию и привела к крупномасштабным антиправительственным демонстрациям [64].

В апреле и мае 1992 года оппозиционные силы, которые преимущественно состояли из жителей бедных районов Душанбе и Курган-Тюбе, устроили акцию протеста на душанбинской площади «Шахидан». Они требовали проведения повторных многопартийных выборов, принятия новой конституции, отставки прокурора республики и руководителей Комитета по радио- и телевидению, разоружения президентской гвардии, отставки коммунистического парламента и, особенно, спикера Кенджаева. В это время правительство организовало аналогичную демонстрацию в ответ и привезло автобусами своих сторонников из Куляба и Худжанда на площадь «Озоди» с целью защиты конституционного строя. После создания президентом защитных подразделений в Кулябе и раздачи на руки 1800 единиц огнестрельного оружия эскалация конфликта стала неизбежной.

После провала переговоров о формировании правительства национального примирения на юге республики разгорелась ожесточенная война. Неспособность режима контролировать ситуацию и давление оппозиции 7 сентября 1992 года привели к отставке Набиева. После этого Искандаров, избранный в апреле месяце того же года вместо Кенджаева на пост Председателя Шурой Оли (Верховного Совета), взял на себя обязанности президента страны. Путем избрания на пост премьер-министра Абдул-ладжанова, который был выходцем из Худжанда, он пытался установить перемирие между Худжандом и центральной властью. В начале ноября 1992 года главы центральноазиатских республик собрались для поиска путей нормализации ситуации в городе Алма-Ата. А 16 ноября 1992 года парламент республики (Маджлиси Оли) избрал Эмомали Рахмонова (Рахмона) своим председателем и исполняющим обязанности президента страны. Сессия парламента наряду с прекращением экономической блокады города Душанбе приняла дополнительные меры по прекращению преследования руководителей политических партий.

Таким образом, внутренняя война в Таджикистане, которую сами таджики называют «гражданской войной», особенно усилилась в 1992–1993 годах, в течение которых наряду с борьбой за власть враждующие стороны боролись за получение ценных экономических ресурсов, таких как хлопок и алюминий, а также за сбыт наркотических веществ. Эта борьба все больше угрожала безопасности региона, что диктовало необходимость мирных переговоров, которые начались в апреле 1994 года в России под контролем Организации Объединенных

² «Партия исламского возрождения» начала свою тайную деятельность еще в период коммунистического правления. А 26 октября 1991 года, после объявления свободы создания политических партий, она вышла на арену легальной деятельности. Руководителем партии был Саид Абдулло Нури, а его заместителем – Ходжи Акбар Тураджонзода. После смерти Саида Абдулло Нури руководителем партии стал Мухиддин Кабири.

³ Народное движение (партия) «Растохез» сформировалось в 1989 году с целью поддержки перестройки. Городская интеллигенция и националистически настроенные представители персоязычных народов выступали за экономическую самостоятельность, за огосударствление таджикского языка и восстановление персидской графики в качестве официальной. Также члены данного движения, руководимого Тахиром Абдулджаббаром, были убеждены, что ислам должен играть в обществе существенно большую роль, поскольку является важным фактором национальной культуры.

⁴ Демократическая партия Таджикистана была учреждена в 1990 году. Большинство ее членов были из кругов интеллигенции и образованных слоев населения. Эта партия включала представителей всех этнических групп Таджикистана и пользовалась большим влиянием в вузовских кругах. Выступала за установление гражданского общества и в защиту свобод без учета национальной и конфессиональной принадлежности. На этом пути считала необходимым проведение экономических реформ, защиту частной собственности, раздачу земли земледельцам, изменение монокультурной экономики и установление связей с международным сообществом. Эта партия находилась в коалиции с оппозиционными силами, в частности с Партией исламского возрождения, ратовала за демократическую парламентскую систему и за вывод российских войск с территории Таджикистана.

Наций и при эффективном сотрудничестве Исламской Республики Иран. Хотя Тегеран и Москва приложили много усилий для достижения мира, важнейшую роль для прекращения войны в Таджикистане играли желание и воля противоборствующих сторон и прямые переговоры между Рахмоновым и Саидом Абдулло Нури. Затем переговоры между двумя таджикскими лидерами были возобновлены в Кабуле, а после и в Тегеране. Переговоры шли снова и снова, в итоге война, которая продолжалась пять лет, унесла жизни пятидесяти тысяч людей, сделала беженцами более миллиона человек, наконец завершилась [64]: между Эмомали Рахмоном, президентом страны, и Саидом Абдулло Нури, председателем Комиссии национального примирения и руководителем союза таджикской оппозиции, 25 июня 1997 года был подписан мирный договор [78].

В настоящее время центральноазиатские республики сталкиваются с множеством конфликтов и противоречий. Политические неурядицы наряду с социально-экономическими угрозами, такими как незаконный оборот наркотиков, нищета, безработица, коррупция и т. д., в дополнение к противоречивой конкуренции сверхдержав диктуют Центральной Азии особые условия. Иными словами, общими для всех стран региона являются отсутствие конкурентных выборов и эффективной многопартийной системы, вопрос разделения властей и т. п. Подобная ситуация уже порождала конфликтные ситуации, которые, сопрягаясь с кризисом преемственности, могут вызвать в будущем еще большую внутреннюю нестабильность и возможное вмешательство извне.

Следовательно, даже беглое размышление над политической и социальной ситуацией в странах Центральной Азии показывает, что они пока еще очень далеки от установления более устойчивой и более демократичной системы власти, и, учитывая современное положение дел, их движение в эту сторону наверняка будет неторопливым и небеспроблемным.

Все это влияет на безопасность региона в целом. Поэтому следует обратить особое внимание на вопросы экономического и политического развития центральноазиатских стран и на их модернизацию. С другой стороны, как уже было отмечено, не следует недоучитывать роль зарубежных сил в процессе изменений в регионе. Гражданская война в Таджикистане и «цветная революция» в Киргизии ясно показывают, что и региональные и трансрегиональные силы постоянно стремятся упрочить свое влияние в центральноазиатских странах.

Следует отметить, что установление достойных и необходимых взаимоотношений со странами, связанными с интересами региональных и трансрегиональных игроков, всегда имеет ряд особенностей. Исламская Республика Иран с момента обретения центральноазиатскими странами независимости рассматривает установление политических отношений с ними и их постоянное развитие как часть своего внешнеполитического курса, имеющую очень важное значение. Исламская Республика Иран была одной из первых, кто официально признал независимость государств Центральной Азии и путем создания своих посольств принял надлежащие меры по закреплению этого положения.

2. Экономическое положение Центральной Азии

Страны Центральной Азии после распада Советского Союза столкнулись с огромными экономическими проблемами, которые в основном были связаны с экономическими структурами советского периода. Поэтому Центрально-Азиатский регион стал рассматриваться как центр новой «Большой игры» и в новом состоянии, когда центральноазиатские страны наряду со старыми и негодными политическими и экономическими институтами оказались перед проблемами, связанными с необходимостью установления регионального сотрудничества и налаживания внутрирегиональных связей. Хотя успехи на экономическом поприще в каждой стране региона зависят преимущественно от собственных решений, нельзя игнорировать тот факт, что ни одна из стран бывшего Советского Союза не была связана со своими соседями

столь тесно, как страны Центральной Азии. Подобная связь, с одной стороны, объясняется чувством общего культурного и религиозного наследия, а с другой – географическими особенностями региона. Поэтому экономическое положение в Центральной Азии может быть рассмотрено с двух точек зрения: с точки зрения экономической ситуации в отдельно взятой стране и с точки зрения экономической ситуации в регионе в целом.

Таджикистан. При изучении отдельных стран наряду с нынешней ситуацией необходимо учитывать также и процесс перехода к создававшемуся положению. В этом плане характерна ситуация с экономикой Таджикистана, которая раньше основывалась на централизованном планировании из Москвы и зависела от союзного бюджета. После распада Союза и вследствие гражданской войны, приведшей к миграции части русскоязычных специалистов и экономической стагнации, страна понесла огромные потери. Так, гражданская война привела к резкому падению сельскохозяйственного производства, считавшегося ранее главной отраслью народного хозяйства Таджикистана. Даже после достижения перемирия, когда военные столкновения на территории республики прекратились, последствия гражданской войны всё ещё продолжали сказываться на ослабленной экономике Таджикистана. Экономические проблемы страны, связанные по большей части с изъянами советской системы хозяйствования, в ходе гражданской войны ещё больше усугубились и привели сельское хозяйство в упадок. Гражданская война привела также к дефициту ресурсов, экологическим проблемам, способствовала распространению инфекционных заболеваний, таких как чума; вызвала дефицит продовольственных товаров, дефицит государственного бюджета и т. д. Таким образом, несмотря на затухание пламени войны, разрушительные последствия гражданского противостояния всё ещё продолжали влиять на экономику и общество.

Макроэкономические показатели Таджикистана см. в табл.:

Таблица № 1

Основные макроэкономические показатели Таджикистана (в процентах к предыдущему году)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой внутренний продукт	87,6	83,3	101,7	105,3	103,7	108,3
Промышленное производство	86	76	98	108	106	110
Сельскохозяйственное производство	84	91	100,2	106	103	113
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	272	132	82	74	155	119
Экспорт в другие страны мира	124	88	108	83	95	110
Импорт из всех стран СНГ	205	80	126	93	115	109
Импорт из других стран мира	106	86	94	99	57	78

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007/2008
Валовой внутренний продукт	109,6	110,8	110,0	110,3	106,7	107,0	107,8/107,9
Промышленное производство	115	108	110	115	110	106	110/96
Сельскохозяйственное производство	107	117	109	111	102	106	107/108
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	150	112	170	215/161
Экспорт в страны СНГ	57	89	74	115	112	105	123/98
Экспорт в другие страны мира	107	125	120	115	97	166	102/95

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007/2008
Импорт из всех стран СНГ	96	102	109	129	112	127	138/112
Импорт из других стран мира	130	116	163	148	112	134	150/153

Экономика Таджикистана включает сельское хозяйство, животноводство, лесное хозяйство, добычу урана, нефти, газа, золота и серебра, а также легкую промышленность, связанную с производством хлопка, шелка, с ковроткачеством и кожевничеством. Примечательно, что Таджикистан является важнейшим поставщиком хлопка (43 % тонковолокнистого хлопка) среди других стран бывшего СССР. Шелкоткачество, овощеводство и виноградарство также считаются хорошо развитыми отраслями. Основными статьями экспорта становятся хлопок, фрукты, растительные масла, алюминий и электроэнергия, а глинозем, нефтепродукты, машины и промышленное оборудование, лекарственные средства и продукты питания составляют статьи импорта страны.

Экономика Таджикистана, среднегодовой рост которой с 2001 по 2005 год составлял 9 %, сильно зависит от экспорта алюминия и хлопка. Согласно официальной статистике, через 15 лет после обретения Таджикистаном независимости его экономика составляет только 60 % от объема 1990 года. С учетом нынешних темпов своего развития Таджикистан достигнет уровня экономики 1990 года не ранее 2015 года.

Ежегодно большое количество таджикских граждан уезжают из страны в поисках работы. Количество трудовых мигрантов в 2006 году составляло по приблизительным подсчетам от 600 тысяч до 1,5 миллиона человек. За счет трудовых мигрантов ежегодно в Таджикистан поступало 1,5 млрд долларов, что создавало основу для сравнительной стабильности республики [156]⁵; отметим, что в 2006 году валютные поступления составили 35 % ВВП республики [121], это отдельная статья доходов в экономике страны.

В Таджикистане обнаружены богатые месторождения золота и серебра. Месторождения серебра в этой стране считаются уникальными, и некоторые западные страны, такие как Италия, после достижения республикой независимости начали инвестировать в эту отрасль. В республике существуют также богатые месторождения угля и черного мрамора. Ежегодно на Таджикском алюминиевом заводе производится 450 тыс. тонн алюминия. К другим полезным ископаемым и ценным ресурсам относятся железо, вольфрам, свинец, олово, медь, цинк, ртуть, сурьма, уран, соль, природный фторид и кальций, незначительные запасы нефти и природного газа, драгоценные и полудрагоценные камни и бадахшанский рубин [24: 49].

Промышленность Таджикистана еще с советских времен находилась под контролем нескольких крупных учреждений: в 1991 году 373 государственных предприятия владели 98 % промышленными активами страны; это – производство электроэнергии и алюминия, перерабатывающая и добывающая промышленность. 38 % общей продукции поставляла тяжелая промышленность, на которую тратилось 83,8 % базовых активов. Легкая промышленность была представлена текстильным производством, ковроткачеством, швейным делом, выделкой кожи, производством обуви и шелка [24: 50].

Таджикистан, который обладал наиболее отсталой среди бывших советских республик экономикой, перенес к тому же трагические события гражданской войны, что дополнительно осложнило экономическое развитие страны. В настоящее время Таджикистан (с населением более 7 миллионов человек и с ежегодным доходом на душу населения в 360 долларов) счита-

⁵ По информации ЦБ РФ, в 2014 году из России в Таджикистан через системы денежных переводов (Anelik, Contact, InterExpress, Western Union, Колибри, Золотая Корона, Почта России и др.) было перечислено 3,83 млрд долларов (более 40 % ВВП), однако на деле эта цифра больше, поскольку здесь не учтены средства, вывезенные в наличной форме и выведенные через неформальные каналы, такие как «хавала». – *Примеч. ред.*

ется самой бедной страной Центральной Азии, в которой свободное экономическое пространство до сих пор не сформировалось.

В перспективе республика должна сделать ставку на возрастание экспорта, привлечение инвестиций, обеспечение эффективности производства и усиление конкуренции в экономике. В настоящее время основными инвесторами Таджикистана выступают Исламский банк развития, Международный валютный фонд, Европейский банк развития и реконструкции, Азиатский банк развития и такие страны, как Россия и Китай. Однако уровень иностранных инвестиций в Таджикистан в силу коммуникационной изолированности этой страны и в связи с не до конца изжитыми последствиями гражданской войны в разы ниже, чем в другие страны региона. И, несмотря на проведение по данному вопросу нескольких саммитов, уровень инвестиций в эту страну продолжает оставаться низким [113а].

Туркменистан. Другой страной региона, которая после распада СССР испытала значительные экономические трудности, был Туркменистан. Туркменистан после достижения суверенитета объявил следующие приоритеты: 1) преодоление экономической зависимости от Москвы и от других республик бывшего Советского Союза; 2) создание основ национальной экономики с целью самостоятельного использования ресурсов страны и в целях обеспечения ее внутренних потребностей. Руководители республики предложили следующую стратегию:

а) превращение Туркменистана в транзитный центр Центральной Азии – с учетом особенностей географического положения страны, бывшей важной частью Великого шелкового пути;

б) особенную политику приватизации: правительство Туркменистана стремилось к тому, чтобы базовые экономические отрасли, такие как нефтяная и газовая промышленность, производство электроэнергии, железнодорожное и авиационное сообщение, связь, здравоохранение и образование были государственными; остальные отрасли могли быть приватизированы;

в) создание свободных экономических зон: правительство Туркменистана с целью привлечения иностранных инвестиций приступило к созданию свободных экономических зон в таких регионах, как Мары, Байрам Али, Окарем Чилкен, Туркменабад, Бахарден, Кизил Арват, аэропорт Дашогуз, Ашхабад Аннау и Ашхабад Базмаин, предоставляя иностранным инвесторам в этих зонах необходимые льготы и свободы;

г) реструктуризация системы образования и развитие интеллектуальных способностей граждан: для достижения мировых стандартов в экономике страна поставила целью укрепление научного потенциала своих вузов, используя в этих целях возможности и других стран;

д) регулирование финансово-налоговой и кредитной политики – для содействия развитию бизнеса и обеспечения сохранности капитала;

е) активное участие в международных конференциях – с целью привлечь внимание иностранных инвесторов к выгодным инвестициям в Туркменистан;

ж) переход от монокультурной экономики к экономике многопрофильной.

Туркменистан обладает запасом газа в 2,7 триллиона кубометров и занимает по этому показателю второе после России место среди стран СНГ. Разведанные запасы нефти составляют примерно 546 млн баррелей [25: 52–55]. Важнейшими нефтяными бассейнами Туркменистана являются Кум-Даг, Лебап, Челекен, Небит-Даг, Кутурди, Кара-Кум и бассейн Капаз в зоне Каспийского моря. Экспорт энергоносителей являлся и является одной из самых важных статей получения государственных доходов.

Вторая важная составляющая туркменской экономики – сельскохозяйственное производство. В настоящее время около 48 % трудоспособного населения республики заняты в области растениеводства и животноводства. Туркменистан, который до обретения независимости входил в десятку крупнейших в мире производителей хлопка, ныне потерял былые позиции. Объем производства хлопка в стране за годы независимости сократился на 50 %. Отсутствие у Туркменистана прямого выхода к открытым морям является одной из проблем, которая затруд-

няет экспорт товаров и энергоносителей. Ввиду пустынности около 80 % территории страны и недостаточного объема водных ресурсов абсолютное большинство ее сел и центров растениеводства расположены в бассейне реки Амударьи или на берегах Каракумского канала. В остальных регионах занятие растениеводством или скотоводством сопряжено со множеством трудностей.

Валовой внутренний продукт страны в 2006 году перевалил за 16 миллиард долларов, что на 21 % больше, чем в 2005 году. Хлопок, зерновые, мясо, природный газ, нефть, нефтепродукты, текстильные изделия и пищевые продукты составляют важнейшие статьи экспорта страны. Основная часть дохода Туркменистана образуется за счет экспорта природного газа, электроэнергии, сельскохозяйственных продуктов и текстильных изделий.

Макроэкономические показатели Туркменистана см. в табл.:

Таблица № 2

Основные макроэкономические показатели Туркменистана (в процентах к предыдущему году)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой внутренний продукт	—	—	—	—	—	—
Промышленное производство	91	120	78	102	—	—

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Сельскохозяйственное производство	101	87	121	124	—	—
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	56	115	42	34	—	—
Экспорт в другие страны мира	192	64	49	147	—	—
Импорт из всех стран СНГ	109	75	116	73	—	—
Импорт из других стран мира	79	73	118	99,8	—	—

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Валовой внутренний продукт	—	—	—	—	—	—	—
Промышленное производство	130	122	119	—	122	—	—
Сельскохозяйственное производство	—	—	119	—	120	—	—
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	110	103	112	—	—	—	—
Экспорт в другие страны мира	98	117	144	—	—	—	—
Импорт из всех стран СНГ	127	88	162	—	—	—	—
Импорт из других стран мира	135	92	94	—	—	—	—

Кыргызстан. Кыргызстан, как и Таджикистан, является одной из беднейших постсоветских республик с точки зрения ресурсов и производственной инфраструктуры. В Кыргызстане в силу особенностей ландшафта (преобладание гористой местности) слабо развито сельское хозяйство. Хлопок, зерновые, шерсть, кожа, табак и сахарный тростник являются важнейшими сельскохозяйственными продуктами этой страны. Одновременно страна располагает большими запасами полезных ископаемых (золото, уголь, ртуть и уран). В Кыргызстане также эффективны такие отрасли, как производство автозапчастей, проводов и кабеля, строительных материалов, цемента, пищевых продуктов, обуви, электромоторов и мебели.

Кыргызстан является активным членом Всемирной торговой организации, что позволило ему стать региональным торговым центром экспортируемых товаров. В настоящее время экономическая реформа в Кыргызстане ведется быстрыми темпами в сотрудничестве с такими международными организациями, как Всемирный валютный фонд. Экономика республики, начиная с 1991 года, заметно развилась и укрепилась. Опираясь на принципы рыночной экономики, страна за короткое время организовала процесс свободной торговли – и столь успешно, что в настоящее время она пользуется самими свободными международными торговыми связями среди постсоветских республик региона.

Макроэкономические показатели Кыргызстана см. в табл.:

Таблица № 3

Основные макроэкономические показатели Кыргызстана (в процентах к предыдущему году)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой внутренний продукт	94,6	107,1	109,9	102,1	103,7	105,4
Промышленное производство	75	104	140	105	96	106
Сельскохозяйственное производство	98	115	112	103	108	103
Фиксированные капитальные вложения	182	119	96	64	122	127
Экспорт в страны СНГ	121	146	81	72	79	113
Экспорт в другие страны мира	119	80	254	99	96	110
Импорт из всех стран СНГ	169	138	90	101	59	115
Импорт из других стран мира	157	208	78	147	85	75

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007/ 2008
Валовой внутренний продукт	105,3	100,0	107,0	107,0	99,8	103,1	108,5/ 107,6
Промышленное производство	105	89	117	105	88	90	107
Сельскохозяйственное производство	107	103	103	104	96	103	102
Фиксированные капитальные вложения	86	90	93	102	106	155	105
Экспорт в страны СНГ	81	100,1	119	137	110	125	150/ 104
Экспорт в другие страны мира	104	103	120	117	83	113	137
Импорт из всех стран СНГ	86	126	127	142	117	146	154/ 142
Импорт из других стран мира	82	126	116	117	117	172	123/ 149

Казахстан. Казахстан был одной из самых экономически развитых республик бывшего Советского союза, что во многом объясняется ее географическим положением. Казахстан богат природными ресурсами, поэтому здесь успешно развивались такие отрасли, как химическая промышленность, производство железа, стали, цемента и потребительских товаров. Казахстан богат железом, медью, серебром, золотом, марганцем, свинцом, оловом, фосфатами, углем и ураном. По запасам золота в недрах Казахстан занимает седьмое место в мире. В стране действуют 146 золотых приисков и еще 121 рудников по добыче минералов, в составе которых содержится золото.

В силу огромных запасов нефти и газа республика занимает важное место на мировом рынке энергоносителей, и в течение будущего десятилетия может войти в число крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти и газа. В настоящее время страна располагает

крупнейшими нефтяными и газовыми ресурсами в бассейне Каспийского моря: из 1,8 млн баррелей нефти, ежедневно добываемой в этом бассейне, две трети принадлежат именно Казахстану. В целом нефтяные ресурсы страны, как на шельфе, так и на суше оцениваются от 9 до 29 миллиардов долларов. Крупнейшими в стране считаются месторождения Узень (48 %), Каламкас (31 %) и Алатюбе (35 %). Запасы природного газа Казахстана сконцентрированы в 83 месторождениях, в 17 из которых найден чистый газ, а в остальных – газовые смеси. 72 % газовых запасов сосредоточены в месторождении Карачаганак, газ здесь добывают совместные предприятия. В регионе Мангышлак также находится огромное месторождение с запасом газа в 300 млрд кубометров.

Казахстан – успешный производитель и экспортер сельскохозяйственной продукции. Раньше животноводство считалось основным занятием коренного населения республики, а производство мяса, молока и молочных продуктов являлось приоритетным. Важную роль в экономике играло производство зерновых. Так, примерно половина общей площади сельскохозяйственных угодий выделена для выращивания пшеницы. Этот вопрос с советских времен находится под контролем государства. Ячмень, просо, рис, хлопок, сахарный тростник и табак также считаются важными сельскохозяйственными продуктами.

С позиции экспортируемых ресурсов Казахстан занимает среди постсоветских республик пятое место (после России, Украины, Беларуси и Узбекистана), а с позиции объема валового продукта и национального дохода республика находится на третьем месте. Перечень экспортируемых Казахстаном продуктов составляет 290 наименований. Они экспортируются в более чем 80 стран мира. Традиционно львиную долю экспорта Казахстана составляют продукты добывающей промышленности, а также сырье для химической промышленности и металлургии. Казахстан обеспечивает 90 % процентов экспорта желтого фосфора, более 72 % меди и практически весь объем хромовой руды, олова и цинка среди стран СНГ. Часть экспорта Казахстана составляют сельскохозяйственные продукты. Анализ структуры импорта показывает сравнительное преобладание машин и станков, а также сырья для производства пищевых продуктов, специй и потребительских товаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.